Понедѣльникъ, 9 сентября 1918 г.

Освобожденіе рабочихъ—дѣло рукъ самихъ рабочихъ.

Цѣна отд. № 35 к.; на станц. 40 к.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

№ 27. ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА. № 27.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ:
1 мѣсяцъ 2 руб. — коп.
3 мѣсяца 5 „ 50 „
6 мѣсяц. 10 „ — „

Телефонъ секретаря редакціи 3-20-46.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ районныхъ отдѣленіяхъ редакціи:
1) Остоженка, 1-й Ушаковскій пер., 14, кв. 14. Тел. 3-51-99 (отъ 5 до 7 час.).
2) Средняя Прѣсня, М. Предтеченскій пер., домъ 6, кварт. 2 (отъ 5 до 7 ч.).

Терроръ и классовая борьба пролетаріата.

Система гоненій и репрессій, примѣнявшаяся правительствомъ Народныхъ Комиссаровъ по отношенію къ своимъ врагамъ, начинаетъ приносить свои плоды. Въ сгущенной, раскаленной и насыщенной взаимной ненавистью атмосферѣ нашихъ дней почти одновременно раздались два выстрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ Петербургѣ убитъ Урицкій, въ Москвѣ раненъ Ленинъ.

Вся совѣтская печать, взволнованная этими событіями, призываетъ рабочій классъ къ мести и требуетъ массоваго террора по отношенію къ буржуазіи и всѣмъ контръ-революціонерамъ.

Возможно, что мы стоимъ на порогѣ кровавой эпохи террора и рабочій классъ будетъ требовать казней...

Но, является ли терроръ средствомъ классовой борьбы пролетаріата?

Если мы обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ ученію самихъ соціалъ-демократовъ, то увидимъ, что соціалъ-демократы всего міра отрицаютъ террористическую борьбу и сами большевики до того времени, какъ стали у власти однимъ изъ своихъ главныхъ требованій ставили уничтоженіе смертной казни. Они клеймили названіемъ „безстыдниковъ" всѣхъ тѣхъ, кто рѣшалъ поднять голосъ за необходимость смертной казни, даже на фронтѣ, а теперь народный комиссаръ по просвѣщенію, Луначарскій, на одной недавней своей лекціи назвалъ винтовку, изъ которой разстрѣливаютъ бѣлогвардейцевъ „святой винтовкой" (въ родѣ святого креста?)

Когда были искренни большевики: тогда ли, когда они были противъ смертной казни, или теперь, требующіе террора и уже примѣняющіе его?—не знаю. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Рабочіе должны разрѣшать вопросъ о террорѣ для себя и съ точки зрѣнія своего класса, а не такъ, какъ, какъ на этотъ вопросъ смотритъ въ данный моментъ совѣтская власть.

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы думаемъ, что пролетаріатъ, какъ классъ, призванный создать новый міръ,—міръ братства, свободы и справедливости долженъ выбросить изъ арсенала орудій своей борьбы борьбу терроромъ. Терроръ (массовый или единичный безразлично)—не орудіе классовой борьбы пролетаріата и соціалъ-демократы стояли на правильномъ пути, когда отрицали террористическую борьбу.

Путемъ террора рабочій классъ не сможетъ улучшить своей судьбы и не сможетъ удержать свои завоеванія. Терроръ лишь порождаетъ новыхъ враговъ и вызываетъ отвѣтный терроръ со стороны противника.

Долголѣтній опытъ всей рабочей борьбы въ Англіи, Франціи, Германіи и въ другихъ странахъ показалъ всю безполезность террористической и вообще вооруженной борьбы и рабочіе всѣхъ странъ выбросили изъ своей практики террористическіе пріемы.

Русскому рабочему классу также слѣдуетъ понять, что классовая борьба въ ея настоящемъ видѣ требуетъ не террора, а другихъ средствъ и эти средства рабочій классъ вырабатываетъ и совершенствуетъ въ своей борьбѣ. Такими средствами классовой борьбы пролетаріата являются стачки (частичныя и всеобщія), бойкотъ, саботажъ, манифестація и митинги протеста и т. д.

Но, допустимъ на минуту, что мы включили въ число орудій своей борьбы и терроръ. Что же мы можемъ достичь при помощи его?

Если пролетаріатъ и трудовое крестьянство сильны своей сплоченностью, организованностью и желаніемъ охранить сдѣланныя ими завоеванія, то одного этого вполнѣ достаточно и никакая внѣшняя сила не сможетъ вырвать у нихъ завоеваннаго.

Если же трудящіеся разрозненны, неорганизованы, не ясно сознаютъ, за что имъ нужно бороться, то въ такомъ случаѣ и терроръ не поможетъ и примѣнять его, значитъ собирать горящіе уголья на свою голову.

Намъ давно говорили, что надо „придушить" буржуазію и „взять ее за горло", но, гдѣ именно та буржуазія, которую слѣдуетъ придушить? Вѣдь если рабочіе перебьютъ нѣсколько тысячъ лавочниковъ, фабрикантовъ, офицеровъ, учителей, докторовъ и т. д., то дѣло соціализма отъ этого нисколько не подвинется впередъ.

Вся суть дѣла заключается въ томъ, что корень зла не въ людяхъ, а въ системѣ, въ учрежденіяхъ, въ самомъ строѣ. И если мы перебьемъ всю буржуазію, а оставимъ самый порядокъ и не перемѣнимся сами, то вскорѣ изъ нашей среды, изъ среды рабочихъ и крестьянъ, народится новая буржуазія, спекулянты и „хозяйчики".

Пролетаріатъ—классъ будущаго, строитель новаго общества и эту свою историческую задачу онъ долженъ достигать не при помощи гражданской войны, а путемъ классовой борьбы. Классовая же борьба, какъ борьба массовая, отрицаетъ терроръ.

Пролетаріатъ въ своей борьбѣ долженъ быть великодушенъ и великъ, а не подражать буржуазіи и ея низкимъ пріемамъ. Иначе какъ же онъ можетъ говорить о жестокостяхъ буржуазіи. Вѣдь на это намъ могутъ бросить справедливый упрекъ: „а, вы-то сами не жестоки"?

Нужно отбросить скверное правило готтентотской морали, которое говоритъ, что „когда я украду жену у сосѣда—это хорошо; а когда онъ у меня украдетъ мою жену—это не хорошо" Пора перестать наивно повторять, что „когда красногвардейцы бьютъ и разстрѣливаютъ буржуевъ и офицеровъ—это хорошо, а когда бѣлогвардейцы расправляются съ рабочими и большевиками—это не хорошо".

Пролетаріатъ, если онъ хочетъ стоять на высотѣ своей задачи, твердо, ясно и опредѣленно всегда долженъ громко заявлять: „долой смертную казнь! долой разстрѣлы! долой терроръ"!

Ленинъ часто говорилъ и писалъ даже въ своихъ брошюрахъ и книгахъ, что большевики являются продолжателями парижскихъ коммунаровъ и, что они стремятся строить свое государство по образцу Парижской Коммуны.

Какъ же боролась со своими врагами Парижская Коммуна?

Если мы прочтемъ лучшую исторію этой Коммуны, написанную коммунаромъ, бывшимъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей Парижской Коммуны, Артуромъ Арну, то встрѣтимъ тамъ слѣдующіе строки:

„Два мѣсяца Коммуна была у власти, два мѣсяца она вела войну съ жестокимъ, непримиримымъ врагомъ, который разстрѣливалъ плѣнныхъ, который каждый день оскорблялъ Парижъ, отъ котораго Коммуна не могла ждать ни милосердія, ни жалости, ни пощады.—И вотъ въ эти два мѣсяца полнаго развитія революціи, когда было достаточно и побудительныхъ причинъ и самыхъ законныхъ поводовъ, Коммуна не отрубила ни одной головы, не пролила ни одной капли крови"...

За два мѣсяца своего господства Коммуна не совершила ни одной смертной казни, а между тѣмъ она могла бы послать на гильотину десятки тысячъ буржуевъ, жившихъ въ Парижѣ и открыто критиковавшихъ Коммунальное правительство.

Почему этого она не дѣлала? Потому, что всѣ ея дѣятели говорили: „не будемъ подражать нашимъ врагамъ. Не будемъ жестоки".

Мнѣ возразятъ, „потому-то, быть можетъ, Коммуна и погибла, что она не прибѣгала къ террору",

Нѣтъ, товарищи, Парижская Коммуна погибла не потому, что не прибѣгала къ террору, смертной казни и къ разстрѣламъ. Она погибла, во-первыхъ, отъ голода, во-вторыхъ, отъ внутреннихъ неурядицъ и раздоровъ въ средѣ ея правительства, а въ-третьихъ, потому, что черезъ власть нельзя установить соціалистическій строй.

Итакъ, если русскій пролетаріатъ хочетъ сохранить всѣ лучшія и высокія традиціи революціоннаго движенія пролетаріата, онъ долженъ отказаться отъ террористической борьбы, ибо великія идеи соціализма и обновленія человѣчества требуютъ этого отказа.

Лассаль (хотя мы и не поклонники его, но въ данномъ случаѣ мы раздѣляемъ его мнѣніе) въ одной изъ своихъ статей говоритъ:

„Провозглашеніе идеи рабочаго класса (т.-е. идеи соціализма) господствующимъ принципомъ общества есть кличъ любви, который однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его, а по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ любви", когда грянетъ боевымъ призывомъ.

Два міра.

Мы живемъ въ переходное время. Человѣчество стоитъ на порогѣ новой эпохи. Старый міръ—міръ эксплуатаціи и угнетенія—умираетъ и на его мѣсто нарождается новый міръ—міръ Труда.

Мы присутствуемъ при столкновеніи этихъ двухъ міровъ и являемся свидѣтелями и участниками великой соціальной драмы, дѣйствіе которой происходитъ одновременно на всемъ земномъ шарѣ. Всюду—и въ спавшемъ тысячелѣтія Китаѣ, и въ молодыхъ странахъ Америки, и у насъ, на безпредѣльныхъ русскихъ равнинахъ, и въ странахъ романскаго и германскаго міра,—совершается эта драма, главныя роли въ которой принадлежатъ Капиталу и Труду.

Вездѣ и всюду, гдѣ современный капитализмъ утверждаетъ свое владычество, трудящіеся вынуждены выйти изъ своего пассивнаго состоянія и открыть борьбу противъ капиталистической эксплуатаціи, противъ гнета и попранія капитализмомъ, во имя своихъ интересовъ, самыхъ элементарныхъ и насущныхъ потребностей человѣка-рабочаго.

Современный капитализмъ, развившійся до своего апогея, хочетъ быть неограниченнымъ властелиномъ на землѣ и стремится диктовать свою волю всему міру. Некоронованные короли изъ Лондонскаго Сити, или съ Тридцать Третьей авеню Нью-Іорка, финансисты парижской биржи и промышленные цари Германіи распоряжаются нынѣ судьбами народовъ, бросая ихъ въ братоубійственную бойню.

Магнаты капитала еще конкурируютъ между собою и рѣшаютъ споръ за преобладаніе тѣмъ или инымъ рынкомъ сбыта при помощи устарѣлаго способа—войны.

Но, настоящая война, не оправдавшая надеждъ враждующихъ капиталистовъ, показала имъ, что, въ сущности говоря, этотъ способъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ финансовой и экономической политики слишкомъ дорого обходится и далеко не безопасенъ по своимъ результатамъ.

На русскомъ примѣрѣ международная буржуазія убѣдилась, что война можетъ породить... революцію, а это совершенно не входитъ въ планы международныхъ хищниковъ-капиталистовъ. И вотъ уже теперь, подъ вліяніемъ войны и русской революціи, мировой капитализмъ стремится къ созданію своего „чернаго интернаціонала", чтобы, объединивъ свои силы, раздавить всѣ попытки рабочихъ, уменьшать гнетъ капиталистической эксплуатаціи.

Капитализмъ, въ силу своихъ внутреннихъ причинъ, направляется къ такому объединенію и уже до войны стала развиваться и крѣпнуть международная организація капиталистовъ. Война укрѣпила это стремленіе; благодаря ей, въ лагерѣ капитализма, произошла огромная перегруппировка силъ, произошла своего рода концентрація. Война въ то же время разбила міръ капиталистовъ на два стана, изъ которыхъ теперь одинъ долженъ или погибнуть, или признать полную гегемонію другого.

Такимъ образомъ, послѣ войны на аренѣ мировой экономической жизни будетъ парить унитарный мировой капитализмъ, или англо-франко-американскій, или капитализмъ германскій.

Этотъ капитализмъ будетъ диктовать свои условія всѣмъ народамъ и, такъ какъ вождelѣнія капитализма безпредѣльны, новые властелины попробуютъ создать свой новый феодально-капиталистическій строй. Уже и теперь демократическія республиканскія правительства Франціи и Америки являются, въ сущности говоря, лишь „исполнительными приказчиками" Его Величества Капитала. Соціалистическая оппозиція въ парламентахъ этихъ странъ допускается этимъ некоронованнымъ властелиномъ лишь въ такой мѣрѣ, въ какой ему желательно.

Капиталъ не боится политическихъ соціалистовъ, онъ приглашаетъ ихъ даже къ себѣ на службу и предлагаетъ имъ иногда министерскіе портфели, такъ какъ знаетъ, что соціалистовъ-политиковъ можно приручить и прекрасно выдрессировать. Примѣры французскихъ соціалистовъ Бріана, Вивіани, Мильерана и друг. вполнѣ оправдываютъ это.

Капитализму не страшенъ политическій соціализмъ, ему не страшны „вожди"-соціалисты, такъ какъ капитализмъ слишкомъ увѣренъ, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи вѣрныя средства обезвредить этихъ вождей; капитализмъ знаетъ великую силу своего золота, гдѣ же золото окажется безсильно, тамъ всегда поможетъ пуля.

Капитализму страшенъ лишь самъ рабочій классъ; ему страшна „красная волна" пролетарской мощи, поднимающаяся все выше и выше. Міръ капитализма видитъ, что вмѣстѣ съ этой волной вырастаетъ новый міръ, враждебный ему, и съ которымъ у него не можетъ быть ни мира, ни перемирія.

И вотъ съ этимъ-то новымъ міромъ капитализмъ и предпринимаетъ борьбу. Онъ знаетъ, что пролетаріатъ всего міра нельзя ни подкупить, ни приручать, ни уничтожить. Но, его можно раздробить, разбить на враждующія другъ съ другомъ группы, его можно, наконецъ, „оскотинить", то-есть убить въ немъ всѣ человѣческія проявленія и сдѣлать лишь изъ него послушное животное, только „рабочія руки".

Къ выполненію этой задачи и направлены сознательно и безсознательно, всѣ стремленія капитализма. Капитализмъ ставитъ рабочихъ въ такія жизненныя условія, въ которыхъ у рабочаго глохнутъ всѣ чувства, возвышающія душу человѣка, и растутъ и крѣпнутъ грубыя стороны человѣческой души. Не говоря уже о ненормальныхъ, одуряющихъ условіяхъ труда на фабрикахъ и мастерскихъ, капитализмъ тысячью соблазновъ и средствъ старается удержать рабочаго на степени животнаго. Капитализмъ воздвигаетъ тысячи кабаковъ, гдѣ одурманиваются рабочіе, онъ издаетъ тысячи газетъ и журналовъ, гдѣ изо дня въ день льются мутныя волны лжи, засоряющія и отравляющія сознаніе рабочаго, извращающія его психологію.

На примѣрѣ американскаго пролетаріата или нѣмецкаго, мы видимъ, какъ капитализму успѣшно удается выполнить намѣченную задачу и сдѣлать пролетаріатъ ручнымъ.

Однако суровая дѣйствительность, сама жизнь, разрушаетъ чары капитализма, и рабочій классъ часто инстинктивно, побуждаемый чувствомъ самосохраненія, выходитъ изъ своей пассивности и предпринимаетъ борьбу съ міромъ капитализма.

На первыхъ этапахъ этой борьбы пролетаріатъ, не осознавшій еще себя какъ классъ, не выработавшій свою общую идею, борется разрозненно и добивается лишь частичныхъ улучшеній своей судьбы.

Однако, чѣмъ дальше идетъ пролетаріатъ по пути своей классовой борьбы, тѣмъ все больше и больше зрѣетъ въ немъ его общая классовая идея, и въ туманѣ грядущаго передъ нимъ вырисовывается его общая цѣль. Эта идея, которую пролетаріатъ долженъ осуществить, есть то, что называютъ соціализмомъ.

Подвигаясь впередъ зигзагами, часто уклоняясь съ своего пути, часто идя за ложными лозунгами, пролетаріатъ, тѣмъ не менѣе, движется къ соціализму; къ этому направляется онъ спасительнымъ инстинктомъ самосохраненія, такъ какъ иначе капитализмъ обрекаетъ его на вырожденіе и рабство. Пролетаріатъ, если онъ не хочетъ выродиться въ классъ животно-подобныхъ существъ, напоминающихъ древнихъ рабовъ, неизбѣжно долженъ стремиться къ соціализму.

Эту истину тяжелымъ опытомъ познали западноевропейскіе пролетаріи, и великое счастье русскаго рабочаго класса состоитъ въ томъ, что ему не приходится вырабатывать идеалъ своего класса путемъ долгихъ блужданій; онъ можетъ воспользоваться всецѣло трудами своихъ европейскихъ товарищей.

Итакъ, противъ стараго міра капитализма, пролетаріатъ всѣхъ странъ создаетъ новый міръ соціализма. Между этими двумя мірами не можетъ быть никакого соглашенія. Оба вмѣстѣ они существовать не могутъ, такъ какъ они исключаютъ другъ друга. Одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть, другой—восторжествовать.

Вотъ почему всѣ сознательные пролетаріи должны всѣ свои усилія направить на разрушеніе стараго міра капитализма и на созданіе новаго міра—міра труда и свободы, или соціализма.

Какими же путями можетъ пролетаріатъ достичь новаго строя, въ которомъ онъ будетъ не рабомъ, не только „рабочими руками", но полноправнымъ членомъ человѣческаго общества, творцомъ жизни?

Объ этихъ путяхъ къ соціализму мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

Н. Лебедевъ.

О пролетарской культурѣ и русской дѣйствительности.

(Посвящается товарищамъ изъ «Пролеткульта»).

На-дняхъ открывается всероссійская конференція рабочихъ культурно-просвѣтительныхъ организацій. Въ этой конференціи примутъ участіе всѣ видные дѣятели „Пролеткульта" и въ числѣ другихъ прочтутъ свои доклады—народный комиссаръ по просвѣщенію Луначарскій о „Пролетаріатѣ и искусствѣ", А. Богдановъ—о „Наукѣ и пролетаріатѣ" и Н. К. Ульянова-Крупская—„Объ идеалахъ соціалистическаго воспитанія".

Безъ сомнѣнія, всѣ эти доклады будутъ умны, талантливы и проникнуты духомъ гуманности. На конференціи мы услышимъ много хорошихъ и прекрасныхъ словъ о культурѣ и культурномъ творчествѣ, услышимъ много высокихъ идей и призывовъ...

Но, какъ будетъ все это гармонировать съ тѣмъ, что творится кругомъ? Какъ будутъ согласовать товарищи Крупская, Луначарскій и Богдановъ свои высокія идеи съ той ужасной обстановкой, въ которой мы живемъ?

Товарищъ Луначарскій будетъ говорить намъ объ искусствѣ, о его возвышенномъ и облагораживающемъ вліяніи на человѣка, будетъ говорить намъ о безсмертныхъ и великихъ произведеніяхъ искусства, которыя пролетаріатъ долженъ беречь и охранять... а въ это время на улицахъ русскихъ городовъ и на безчисленныхъ фронтахъ гражданской войны будутъ разрушать и уничтожать, разстрѣливая изъ „святыхъ" винтовокъ, самое великое, самое чудесное и самое таинственное произведеніе великаго художника, Природы,—человѣка...

Товарищъ Крупская будетъ говорить намъ о соціалистическомъ идеалѣ воспитанія и будетъ доказывать, что этотъ идеалъ заключается въ томъ, чтобы создать изъ ребенка человѣка въ лучшемъ и высокомъ смыслѣ этого слова, воспитать въ немъ чувства братства, солидарности и любви... а въ это время со страницъ совѣтской печати будутъ литься волны человѣконенавистничества и злобы, будутъ засорять душу читателей грязныя слова въ родѣ „сволочь", „подлые гады", которыми совѣтская печать клеймитъ своихъ противниковъ, будутъ звучать призывы къ мести...

Неужели эти товарищи не чувствуютъ глубоко трагическое противорѣчіе между своими идеями и той дѣйствительностью, которая окружаетъ насъ? Неужели ихъ не волнуетъ та драма и та невыносимая до ужаса обстановка, въ которой мы всѣ живемъ?

Какъ можно хладнокровно говорить о культурѣ и культурной работѣ, объ искусствѣ и наукѣ, когда мы вотъ почти уже цѣлый годъ какъ живемъ въ безпрерывной гражданской войнѣ? Эта война, какъ и всякая другая, разрушаетъ культуру и вноситъ въ общество варварство и всеобщее одичаніе.

Неужели всѣ дѣятели „Пролеткульта" не сознаютъ этого, не чувствуютъ, что во имя той культуры, которую они стремятся создать, нужно что-то сдѣлать, нужно что-то предпринять, чтобы прекратить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить всѣ ужасы гражданской войны?

Или, быть можетъ, они могутъ спокойно работать, оправдывая себя тѣмъ, что все это не входитъ въ ихъ компетенцію, или, какъ выразился Луначарскій въ одной бесѣдѣ по вопросу о смертной казни, что это „дѣло не его вѣдомства".

Но, вѣдь такой отвѣтъ только отговорка,—не больше. Дѣло культуры и просвѣщенія такъ тѣсно связано со всей общественной жизнью народа, что ихъ отдѣлить нельзя.

Товарищи изъ „Пролеткульта" могутъ сослаться только на то, что гражданская война пустила въ нашей жизни слишкомъ глубокіе корни и ее никакими человѣческими усиліями остановить нельзя. Но, вѣдь сумѣли же большевики прекратить войну съ внѣшнимъ врагомъ?

Допустимъ, однако, что гражданская война зашла такъ далеко, что ни та, ни другая сторона не можетъ уже итти на перемиріе. Но, и въ такомъ случаѣ можно уменьшить ненужныя жестокости этой войны. Нужно прекратить хладнокровную и обдуманную расправу съ врагами.

Надо понять, что такіе, напримѣръ, факты, что „въ отвѣтъ на покушеніе на жизнь Ленина и убійство Урицкаго постановленіемъ

„Знаніе—сила."

(О роли и значеніи науки для пролетаріата).

Среди хаоса современной соціальной жизни, среди невообразимаго смѣшенія идей, понятій и фактовъ умъ пролетарія безъ надлежащаго знанія не можетъ оріентироваться, и рабочій, подавленный всей сложностью современной жизни, вынужденъ бродить въ этомъ хаосѣ современности, какъ въ лѣсу.

Чтобы понять и осмыслить окружающую дѣйствительность, разобраться во всемъ, что творится кругомъ—нужно знаніе.

Знаніе—могучая сила, и только благодаря недостатку знанія рабочій классъ такъ долго переноситъ свое рабство. Только темнота и невѣжество мѣшаетъ трудящимся сознать свою солидарность, сознать свою силу. Только невѣжество является помѣхой для того, чтобы пролетаріи всѣхъ странъ могли создать мощную и единую организацію для сверженія капиталистическаго ига.

Такимъ образомъ, настоятельной задачей пролетаріата, борющагося за свое освобожденіе, является созданіе на-ряду со своей организаціей физическихъ силъ, организаціи для культивированія своихъ умственныхъ силъ.

Передъ пролетаріатомъ стоитъ задача—или впитать въ себя все человѣческое знаніе, усвоить всю человѣческую науку, или же оставаться только носителемъ физической силы, и, несмотря на всю свою мощь, быть на поводу и во власти если и не буржуазныхъ интеллигентовъ, то соціалистическихъ, которые, въ сущности, не многимъ отличаются отъ первыхъ.

Знаніе—могучая сила. Вотъ почему всѣ властители, начиная съ древнихъ египетскихъ жрецовъ и кончая жрецами современной буржуазной науки и современными правителями, упорно охраняли знаніе и дѣлали его доступнымъ лишь для немногихъ избранныхъ.

Когда же въ наше время нельзя стало спрятать совершенно науку отъ глазъ народа, привилегированные классы открыли доступъ къ наукѣ всѣмъ, но сдѣлали это такъ, что трудящимся попадаютъ лишь крохи научной мысли, или же эта мысль преподносится въ такомъ видѣ, что рабочій ее совершенно не усваиваетъ, и у него вообще пропадаетъ охота къ наукѣ.

Но, въ наши дни, когда вся тяжесть современнаго порядка вещей ложится на трудящихся, въ народѣ, особенно среди городскихъ рабочихъ, снова просыпается стремленіе все узнать и все осмыслить. Въ наши дни пролетаріи, стремящіеся къ новой жизни, не хотятъ дѣлить свою жизнь между фабрикой и постелью. Они стремятся быть людьми и жаждутъ знанія.

Это совершенно правильное стремленіе, подсказанное рабочему его классовымъ инстинктомъ. Безъ знанія пролетаріатъ не можетъ успѣшно бороться, ибо для этого необходимо ясное сознаніе условій борьбы и ея цѣлей, для этого необходимо ясное представленіе о всемъ механизмѣ современной соціальной жизни, о всѣхъ взаимоотношеніяхъ различныхъ общественныхъ силъ.

Помимо всякаго внутренняго побужденія сама жизнь толкаетъ рабочихъ на путь знанія. И въ наши дни передъ рабочими всѣхъ странъ все серьезнѣе встаетъ вопросъ просвѣщенія, все настоятельнѣе становится задача образованія.

Надо учиться, учиться серьезно, учиться всему. Жизнь непрестанно твердитъ намъ эту истину и доказываетъ примѣрами, что одного знанія практической жизни и труда недостаточно для пролетаріата, желающаго быть на высотѣ своего положенія.

Надо учиться—вотъ мысль, которая все болѣе и болѣе овладѣваетъ сознаніемъ передовыхъ рабочихъ. Учиться нужно для того, чтобы хорошо знать силы своего противника, условія борьбы и возможность побѣды. Пролетаріатъ долженъ хорошо знать и условія промышленной организаціи и положеніе міроваго рынка и силы капитализма, чтобы только послѣ этого, строго разсчитавъ свои силы, бросить вызовъ своему врагу.

Но, наука и знанія нужны не только для борьбы. Онѣ нужны рабочему еще и для того, чтобы стать при помощи ихъ культурнымъ человѣкомъ; онѣ нужны ему для того, чтобы воспитать въ себѣ всѣ чувства и силы души, чтобы быть активнымъ строителемъ жизни и широко умѣть воспринимать всѣ отзвуки ея.

Нужно учиться,—это безспорно; но чему и гдѣ?

Гдѣ тѣ школы, народные дома, библіотеки, музеи, университеты, въ которыхъ рабочіе и крестьяне могли бы получить нужную имъ духовную пищу?

Такихъ учрежденій пока нѣтъ. Совѣтское правительство, хотя и старается приспособить всѣ существовавшія учебныя заведенія къ нуждамъ и потребностямъ трудящихся и открываетъ новыя соціалистическія академіи и пролетарскіе университеты, но всѣ эти учрежденія носятъ нѣсколько искусственный характеръ, и въ нихъ руководителями часто являются буржуазные интеллигенты, лишь изъ выгоды назвавшіе себя коммунистами-большевиками.

Необходимые для себя научныя учрежденія пролетаріатъ долженъ создать самъ, своими усиліями и своими средствами.

Трудящіеся должны критически относиться ко всѣмъ попеченіямъ правительства, даже соціалистическаго, потому что въ рукахъ всякаго правительства университетъ и школа являются неизбѣжно лишь лавкой, гдѣ научная истина продается и преподается въ томъ видѣ, въ какомъ этого хотятъ власть имущіе.

Пролетаріатъ долженъ создать свободную, независимую, вольную школу, гдѣ бы всѣ теченія научной мысли свободно излагались и подвергались критикѣ, такъ какъ только изъ всесторонняго обсужденія вытекаетъ истина.

Въ рукахъ правительства, даже соціалистическаго, школа, въ особенности университетъ, неизбѣжно сдѣлается разсадникомъ привилегій.

Итакъ, пролетаріатъ долженъ стремиться къ созданію свободной, ни отъ кого не зависимой, вольной школы.

Чему же должна учить эта школа? Какая наука нужна рабочимъ и крестьянамъ?

Безъ сомнѣнія, трудящимся нужна не буржуазная псевдо-наука, а наука настоящая, ничѣмъ не подкрашенная, не вымышленная, не подогнанная по мѣркѣ той или иной партіи, но, наука истинная.

Современная офиціальная наука, даже съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, есть продуктъ буржуазнаго духа. Представители и носители этой науки родились, выросли и воспитались въ буржуазной средѣ, подъ вліяніемъ ея духа и ея интересовъ. Даже рѣдкіе представители современной науки, вышедшіе изъ рабочей и крестьянской среды, тоже не составляютъ исключенія, такъ какъ по своей жизни они оторваны отъ трудовой среды и утратили связь съ своимъ классомъ.

Вотъ почему, и это вполнѣ естественно, что современная наука и ея представители, за очень и очень рѣдкими исключеніями, относятся враждебно къ полному и дѣйствительному освобожденію трудящихся массъ. Даже наиболѣе искренніе ученые идутъ въ своемъ радикализмѣ не далѣе требованія только реформъ, полумѣръ. Даже ученые, причисляющіе себя къ соціалистамъ, хотя и говорятъ въ своихъ книгахъ о пролетаріатѣ и о его миссіи, но, тѣмъ не менѣе, всегда добавляютъ открыто или полунамекомъ, что трудящіеся классы не смогутъ устроить свою жизнь безъ внѣклассовой интеллигенціи, призваніе которой быть руководительницей народа и организующей силой.

Это отчасти было вѣрно по отношенію къ прошлому и даже къ настоящему. Но, въ будущемъ этого быть не должно. Въ настоящемъ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть никакихъ ни «внѣклассовыхъ», ни «надклассовыхъ» группъ. Интеллигенція должна слиться съ общей массой народа, и привилегія знанія и науки, должны быть уничтожены.

Кромѣ того, наука должна быть очищена отъ всѣхъ плевелъ и наносныхъ осадковъ, которые въ наши дни совершенно глушатъ здоровое, настоящее научное зерно. Многія науки, признающіяся теперь важными и нужными, необходимо будетъ выбросить совершенно за бортъ научнаго знанія. Другія науки придется перестроить совершенно на иныхъ основаніяхъ.

Такъ, напримѣръ, философія и исторія, являющіяся науками о человѣческихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ, должны быть построены по иному плану, а богословіе и юриспруденція должны быть выброшены изъ программы пролетарскаго образованія, какъ науки, не приносящія никакой пользы, а засоряющія только умъ человѣка. Наука о правѣ будетъ новая и въ ея основѣ должно лежать лишь одно правило: «нѣтъ правъ безъ обязанностей, и нѣтъ обязанностей безъ правъ».

Естественныя науки, реальная философія, соціальная экономія и соціологія—вотъ науки, которыя должны быть основными науками въ пролетарскихъ школахъ. Но и естественныя науки предварительно должны быть реформированы кореннымъ образомъ. Развѣ современные ученые естественники не посвящаютъ цѣлые томы изслѣдованіямъ о томъ, сколько имѣли копытъ или пальцевъ на ногахъ тѣ или другія животныя давно прошедшихъ первобытныхъ эпохъ?

Естественныя науки должны изучать, главнымъ образомъ, самого человѣка и окружающій его современный міръ. Эти науки должны указывать, какія нужны условія для того, чтобы человѣкъ родился здоровымъ и жизнерадостнымъ. Онѣ должны выработать и создать правила соціальной гигіены, въ которой человѣкъ могъ бы развиваться и жить сообразно требованіямъ своей природы, и т. д.

Огромное значеніе въ системѣ образованія пролетаріата должны имѣть науки о техникѣ и механикѣ, какъ науки, помогающія человѣку покорить силы природы и направить ихъ на свое благо.

Вслѣдъ за этими науками должны итти и науки соціальныя. Въ то время, какъ науки естественныя должны научить человѣка тому, какъ слѣдуетъ жить, чтобы быть здоровымъ, а науки техническія и механическія—какъ сдѣлать человѣческій трудъ болѣе продуктивнымъ и производительнымъ, науки соціальныя должны научить человѣка тому, какъ устроить наиболѣе счастливую и свободную соціальную жизнь.

Вотъ въ краткихъ чертахъ задачи обновленной науки. Науки о мірѣ, человѣкѣ и обществѣ—вотъ необходимыя науки для пролетаріата. Конечно, о задачахъ наукъ, о порядкѣ преподаванія наукъ, о ихъ методахъ можно бы сказать многое, но размѣръ газетной статьи не позволяетъ этого сдѣлать, да это и не входитъ въ задачу настоящей замѣтки.

Задача этой статьи—лишь подчеркнуть лишній разъ важность вопроса о просвѣщеніи пролетаріата и намѣтить нѣкоторыя основныя требованія и условія пролетарскаго образованія.

Какимъ же путемъ выполнить культурно-образовательныя задачи пролетаріата?

Путь этотъ одинъ. Какъ и въ своей соціально-экономической борьбѣ пролетаріатъ, если онъ хочетъ добиться серьезно своего освобожденія, долженъ разсчитывать лишь только на самого себя, а не на какихъ-то внѣшнихъ «героевъ-спасителей», такъ и въ области образованія и воспитанія рабочій классъ долженъ надѣяться лишь на свои собственныя усилія.

Онъ самъ долженъ создать нужную ему школу, и эта школа одна и будетъ ему дѣйствительно полезна. Онъ самъ своими усиліями долженъ выбрать изъ научнаго знанія то, что ему нужно, а не ждать, когда какіе-то благодѣтели ученые, хотя бы и соціалисты, обработаютъ науку «подъ пролетаріатъ» и преподнесутъ ее рабочему.

Главную роль въ области культурно-образовательной должны играть рабочіе профессіональные союзы, которые должны быть основными и коренными учрежденіями рабочаго класса. Эти рабочіе союзы должны объединяться съ другими союзами для совмѣстной работы, устраивая общія школы, народные университеты, профессіонально-техническіе курсы, техникумы и т. д.

Мнѣ возразятъ, что все это требуетъ большихъ средствъ и затратъ. Да, это вѣрно, но, рабочій классъ долженъ пріучиться къ мысли, что „даромъ ничто не дается". Пора рабочимъ перестать надѣяться на какую-то благотворительность, на подачки, на даровыя и безплатныя школы и курсы. Пріобрѣтеніе знанія въ нашихъ условіяхъ требуетъ затратъ, но, если рабочій затратитъ нѣсколько рублей изъ своего бюджета на пріобрѣтеніе этого знанія, то онъ постарается получить возможно больше за свои деньги. Даровая же наука не цѣнится.

Кромѣ того, на организацію научныхъ учрежденій не такъ уже много требуется средствъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Бельгійскіе и французскіе рабочіе, напримѣръ, собирая грошами и копѣйками создали цѣлую сѣть своихъ просвѣтительныхъ учрежденій, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ, „Университетъ Труда" въ Шарлеруа обладаетъ своимъ собственнымъ громаднымъ зданіемъ, лабораторіями, научными кабинетами и т. д.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія возникновенія и развитія французскихъ рабочихъ университетовъ. Они развились и выросли буквально на рабочіе гроши и инициатива ихъ созданія принадлежитъ рабочему Дегерму.

Въ 1894 г. молодой рабочій Дегермъ, много читавшій и думавшій о судьбахъ своего класса, пришелъ къ убѣжденію, что „невѣжество—главная причина политическаго и экономическаго рабства рабочихъ". Онъ задумалъ отдать свою жизнь дѣлу просвѣщенія своихъ товарищей и рѣшилъ открыть рабочій университетъ. Составивъ программу, онъ пригласилъ читать лекціи нѣкоторыхъ молодыхъ ученыхъ, сочувствовавшихъ соціализму и анархизму.

Для своего университета Дегермъ снялъ пустовавшую небольшую мастерскую въ рабочемъ предмѣстьѣ Парижа, купилъ старый трактирный столъ, нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ и аудиторія была готова. По вечерамъ здѣсь стали собираться для бесѣдъ и лекцій нѣсколько десятковъ рабочихъ и, такимъ образомъ, первый рабочій университетъ во Франціи былъ основанъ.

Вскорѣ помѣщеніе оказалось тѣснымъ и Дегермъ перешелъ со своимъ университетомъ въ большое просторное зданіе. Примѣръ Дегерма нашелъ быстро подражаніе и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія перваго рабочаго университета всѣ предмѣстья Парижа и всѣ большіе города имѣли у себя такое же учрежденіе, которое иногда французскіе рабочіе называютъ „философскимъ домомъ".

Пусть французскіе рабочіе университеты бѣдны, пусть ихъ аудиторіи тѣсны и неопрятны, но, тѣмъ не менѣе, они играютъ большую роль, чѣмъ, такъ называемые, народные университеты въ Англіи, создаваемые на деньги буржуазіи. Англійскіе университеты всѣмъ своимъ видомъ напоминаютъ рабочему, что ему здѣсь оказываютъ милость, тогда какъ во Франціи рабочій университетъ составляетъ предметъ гордости рабочихъ; и они правы: это ихъ университетъ, они создали его на свои гроши и они здѣсь учатся тому, чему хотятъ они сами. А такое сознаніе чрезвычайно дорого.

Пусть же и русскій рабочій классъ проникнется желаніемъ создать свои собственныя научныя и просвѣтительныя учрежденія и пусть онъ серьезно отнесется къ вопросу объ организаціи своихъ умственныхъ и духовныхъ силъ, помня, что

„Безъ знанія дорогъ къ свободѣ
людямъ нѣтъ,
„Лишь въ знаніи нашъ путь!"

Н. Лебедевъ.

Народный Комиссаріатъ по просвѣщенію проситъ насъ напечатать слѣдующее объявленіе:

Литературно-Издательскимъ Отдѣломъ Народнаго Комиссаріата по просвѣщенію объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что по договору, заключенному съ наслѣдниками Плеханова, имъ пріобрѣтено на трехлѣтній срокъ исключительное право изданія **всѣхъ** трудовъ **Г. В. Плеханова**, оригинальныхъ и переводныхъ, въ силу чего никакія другія переизданія ихъ не допускаются.

Завѣдующій Отдѣломъ *Н. И. Лебедевъ-Полянскій.*

Смоленской чрезв. ком. разстрѣляны тридцать видныхъ помѣщиковъ западной области",— факты, сдѣлавшіеся теперь „бытовымъ явленіемъ", не только безполезны въ смыслѣ укрѣпленія совѣтской власти, но и глубоко вредны для самихъ трудящихся массъ: эти факты развращаютъ ихъ душу и понижаютъ и безъ того невысокій нравственный уровень...

Долгъ и обязанность товарищей изъ „Пролеткульта" поднять вопросъ въ средѣ совѣтскаго правительства о смягченіи веденія гражданской войны. Это они должны сдѣлать во имя человѣчности, во имя высокихъ идеаловъ соціализма, во имя культуры, дѣлу которой они служатъ. И мы надѣемся, что они это сдѣлаютъ.

Не изъ-за сентиментальности совѣтская власть должна пересмотрѣть свои пріемы борьбы съ внутреннимъ врагомъ, но для того, чтобы сохранить свой моральный авторитетъ, чтобы не унизить и не залить напрасно пролитой кровью революціонно-классовое знамя пролетаріата.

Надо бороться такъ, чтобы сами враги совѣтской власти не могли ничего иного сказать про дѣйствія этой власти, какъ только слѣдующее:

„Да, мы на ихъ мѣстѣ не смогли бы быть такъ великодушны, такъ справедливы!"

Н. К.

Привѣтъ богатырямъ труда.

I.

Привѣтъ мой вамъ, богатыри сохи!
Подъ ревомъ тучъ, подъ солнцемъ нестерпимымъ
Берете вы у жадныхъ глыбъ земли
Свой жалкій хлѣбъ.
И вамъ привѣтъ, богатыри труда!
Кто въ рудникахъ, въ проклятомъ мракѣ черномъ,
Едва дыша, вонзаетъ въ землю ломъ
И день и ночь.
Зловѣщій гулъ воды донесся... Мигъ—
И рухнулъ сводъ съ непобѣдимой силой,
И въ безднѣ, гдѣ крутится прахъ,— царитъ
Печаль и смерть.
Но грудь горы разбита. Паровикъ
Ея насквозь прошелъ побѣдоносно.
И, шествіе привѣтствуя его
Блеститъ заря!
Привѣтъ мой вамъ, богатыри ума,
Вожди толпы и мученики мысли,
Чьи звѣздами горящія сердца
Зовутъ къ борьбѣ!
И вамъ привѣтъ, кто бодрствуетъ въ трудѣ,
Въ безвѣстности... Изъ сердца моего
Несется въ небо крикъ: „вамъ, сильнымъ духомъ,
Святой привѣтъ!"

II.

Привѣтъ вамъ, желѣзныя груди!
Весь вѣкъ, до доски гробовой,
Вы трудитесь въ шумѣ ревущемъ
Своей мастерской.
Привѣтъ вамъ, постигшимъ отраду
Трудиться до ночи съ утра,
Привѣтъ вамъ, сподвижникамъ мысли,
Сохи, топора!
Привѣтъ тебѣ, рать трудовая!
Будь братствомъ своимъ велика,
Надѣйся, борись неустанно!
Жизнь такъ коротка!

Ада Негри.

Ненужная жестокость.

Мы переживаемъ невыразимо кошмарное время. Въ атмосферѣ всеобщаго голода народныя страсти кипятъ, какъ вода въ котлѣ.

Совѣтская власть, въ отвѣтъ на покушенія на своихъ вождей, открыла эпоху краснаго террора. Вся буржуазія взята подъ надзоръ и вся отвѣтственность за дѣйствія отдѣльныхъ безумцевъ или фанатиковъ возлагается на весь враждебный классъ. Изданъ приказъ о заложникахъ, согласно которому „изъ буржуазіи и офицерства должны быть взяты значительное количество заложниковъ. При малѣйшихъ попыткахъ сопротивленія или малѣйшемъ движеніи въ бѣлогвардейской средѣ долженъ приниматься безоговорочно массовый разстрѣлъ".

Эта—жестокая мѣра,—но, эта мѣра можетъ быть, все-таки, такъ или иначе объяснена мотивами самосохраненія, моментомъ острой борьбы и т. д.

Но, совершенно непонятны и ничѣмъ не объяснимы репрессіи совѣтской власти по отношенію къ рабочимъ, не исповѣдающимъ символъ вѣры коммунистической партіи. Репрессіи эти уже примѣняются и изъ угрозъ переходятъ въ дѣйствительность.

Такъ, на-дняхъ народный комиссаръ почтъ и телеграфовъ, Подбѣльскій, издалъ свой декретъ о массовомъ увольненіи почтово-телеграфныхъ служащихъ не-большевиковъ. Въ этомъ декретѣ Подбѣльскій говоритъ: „предписываю, немедленно уволить со службы въ вѣдомствѣ всѣхъ членовъ партіи правыхъ эс-эровъ и опредѣленно сочувствующихъ имъ. Оставленными на службѣ могутъ быть только тѣ изъ нихъ, кто совершенно твердо, письменно и въ печати заявитъ свое рѣзкое осужденіе преступной авантюрѣ эс-эровъ и не только на словахъ, но на дѣлѣ подтвердитъ полный разрывъ съ бѣло-эсеровскими бандами".

Не знаю, чѣмъ могутъ быть виноваты рядовые служащіе и рабочіе почтово-телеграфнаго вѣдомства, которые симпатизируютъ и склоняются къ программѣ партіи эсеровъ?

Комиссаръ Подбѣльскій, если онъ близко сталкивался съ массой служащихъ, знаетъ, навѣрное, какъ поверхностна партійность большинства рядовыхъ служащихъ, какъ непродуманы ихъ соціальныя убѣжденія. И за это карать такъ жестоко, лишая служащаго заработка и обрекая его семью на голодъ и нищету.

Но, если бы даже служащій былъ и сознательный правый эсеръ, такъ развѣ это такая большая вина, что его нужно гнать со службы? Развѣ государственная служба является монополіей только для большевиковъ? Если дѣло такъ будетъ поставлено, то мы вернемся къ чернымъ временамъ царскаго режима. Но и тогда на службѣ могли служить люди разныхъ убѣжденій, членамъ же союза русскаго народа давалось лишь предпочтеніе.

Пусть будетъ и теперь также, если совѣтская власть забыла принципы соціализма и хочетъ раздѣлить рабочій классъ на „милыхъ" и „постылыхъ"; пусть „милымъ" идутъ всѣ ласки и подарки, но оставьте же и „постылымъ" хоть корку хлѣба.

Мы думаемъ, что комиссаръ труда долженъ и обязанъ, какъ защитникъ правъ и интересовъ рабочихъ, сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе комиссару почтъ и телеграфовъ о недопустимости примѣненія его декрета о массовомъ увольненіи служащихъ не большевиковъ. Мы ждемъ этого вмѣшательства.

Мысли мудрыхъ людей

О причинахъ войнъ.

Первая причина всѣхъ войнъ и необходимости національной самозащиты заключается въ томъ, что во всѣхъ европейскихъ націяхъ большинство лицъ, высоко и низко поставленныхъ,—воры, и въ душѣ завистливо желаютъ присвоить себѣ имущество, землю и славу своихъ сосѣдей.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

О томъ, что можно и чего нельзя.

Было бы очень хорошо, если бы можно было скоро, сейчасъ возрастить лѣсъ. Но этого нельзя сдѣлать, надо ждать, пока сѣмена дадутъ ростки, потомъ листки, потомъ стебли и потомъ вырастутъ деревья.

Можно натыкать вѣтки, и на короткое время это будетъ похоже на лѣсъ, но это будетъ только подобіе лѣса. То же самое и съ скорымъ благоустройствомъ общества людей. Можно устроить подобіе благоустройства, какъ и дѣлаютъ это правительства, но подобія эти только отдаляютъ возможность настоящаго благоустройства. Они отдаляютъ эту возможность, во-первыхъ, тѣмъ, что обманываютъ людей, показывая имъ видимость благоустройства тамъ, гдѣ его нѣтъ; во-вторыхъ,—тѣмъ, что эти подобія благоустройства достигаются только властью, а власть развращаетъ людей, какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, и потому дѣлаетъ менѣе возможнымъ истинное благоустройство.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

О террорѣ.

Какъ мы должны относиться къ террористическимъ актамъ? Какъ подобаетъ людямъ, а не какъ поступаютъ ядовитыя животныя. Если негодяй плюетъ вамъ въ лицо, отвѣтите ли вы ему тоже плевкомъ; если онъ обольетъ васъ сѣрной кислотой, отправитесь ли вы въ аптеку за бутылкой кислоты больше той, которая была у него?

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

Отъ разговоровъ къ дѣлу.

Полтора года революціи, десять мѣсяцевъ совѣтской власти, вершковые слои декретовъ на заборахъ, горы резолюцій, а рѣчей о революціонномъ творчествѣ и не перечесть! Упражненій словесныхъ и письменныхъ было достаточно,—казалось пора бы и за дѣло приняться, но жернова исторіи продолжаютъ вертѣться, а изъ-подъ нихъ, кромѣ пыли истертыхъ въ муку словъ, ничего нѣтъ.

Вначалѣ мы собирались принести миръ всему міру, потомъ бросить искру міроваго пожара: объявили войну дворцамъ и миръ хижинамъ и успокоились на лозунгѣ:—„грабь награбленное!" Благихъ намѣреній у насъ было, хоть отбавляй, но, говорятъ, благими намѣреніями вымощенъ путь въ адъ, и вотъ теперь мы дѣйствительно вплотную подошли къ аду. Полутарогодовой безотрадный путь, казалось бы, долженъ излечить насъ отъ многихъ иллюзій, казалось мы должны перестать надѣяться на помощь какого-то чародѣя, который явится изъ невѣдомыхъ странъ. Однако дѣйствительность говоритъ другое: мы не изжили еще одной иллюзіи, мы продолжаемъ вѣрить и надѣяться на поддержку міроваго пролетаріата. Остановимся на этой надеждѣ, на этомъ послѣднемъ заблужденіи, нѣсколько подробнѣе. Судя по всему, поддержка міроваго пролетаріата представляется въ такой формѣ: демократія всѣхъ имперіалистическихъ странъ опрокидываетъ троны своихъ властелиновъ и явится въ совѣтскую Россію съ запасами хлѣба, мануфактуры и другихъ издѣлій и начнетъ одѣвать всѣхъ; пустятъ въ ходъ остановившіеся заводы, накопаетъ угля, руды всякой, привезетъ нефти... однимъ словомъ вспрыснетъ живой водой наше мертвое царство, а мы—глашатаи міровой революціи— будемъ сидѣть на печи и ѣсть калачи. Такъ захудалая семья ожидаетъ „американскаго дядюшку"; привезетъ милліоны и осчастливитъ всѣхъ.

Русскій народъ всегда былъ довѣрчивъ и наивенъ, какъ большой ребенокъ, но изъ всѣхъ благоглупостей имъ совершенныхъ, послѣдняя не поддается никакой оцѣнкѣ. Не нужно длинныхъ разсужденій, чтобы понять, если пролетаріатъ всего міра и возстанетъ, если волна міровой революціи хлынетъ и смететъ все старое, то вѣдь освободившимся будетъ не до горло работы у себя дома, чтобы убрать весь старый мусоръ и перестроить жизнь по-новому. Это одно; а другое—на чемъ основана наша вѣра, что революція въ другихъ странахъ пройдетъ безъ сучка, безъ задоринки? Почему думаютъ, что тамъ не будетъ углубленія революціи, грызни политическихъ партій, взаимной травли и всей той мерзости запустенія, какая воцарилась у насъ? Вѣдь при такихъ условіяхъ весь міръ превратится въ такой же рай, въ какомъ мы уже задыхаемся. Есть еще и третье: въ 862 году русскіе, послѣ ссоръ, дрязгъ и неумѣнія устроить свою жизнь, рѣшили послать къ варягамъ, чтобы тѣ пришли и навели порядокъ. Скажите, чѣмъ отличается нашъ призывъ къ міровому пролетаріату отъ призыва нашихъ предковъ? Тогда мы обѣими руками расписались въ собственномъ безсиліи, неспособности и безпомощности; прошло свыше 1000 лѣтъ и мы опять говоримъ объ томъ же. Говоримъ:

— Полтора года у насъ революція, полтора года мы пробуемъ творить, но у насъ ничего не выходитъ. Пролетаріатъ всего міра, придите и помогите намъ!

Характерно еще и другое: въ то время, когда партія, именующая себя пролетарской, надѣется на международный пролетаріатъ, партіи, стоявшія раньше у власти, въ лицѣ Керенскаго, ищутъ поддержки у бывшихъ союзниковъ, контръ-революціонеры разныхъ сортовъ и оттѣнковъ возлагаютъ надежды на чехо-словаковъ, на казаковъ и на германцевъ. Однимъ словомъ, всѣ русскіе, всѣхъ оттѣнковъ политическихъ убѣжденій, надѣются и ждутъ помощи извнѣ, но никто ничего не строитъ, не возстанавливаетъ разрушеннаго. Впечатлѣніе такое: будто неистовавшій ураганъ революціи снесъ не только шапки съ нашихъ головъ, но сами головы, и вотъ теперь всѣ бродятъ, ищутъ, не одолжитъ ли кто головы, взаймы, хотя бы подержаной.

Русскій пролетаріатъ, ты совершилъ великій подвигъ: ты убилъ абсолютизмъ, ты стряхнулъ кошмаръ, сотни лѣтъ державшій тебя за горло, но, совершивъ это, ты почилъ отъ дѣлъ своихъ и передалъ дальнѣйшую судьбу политическимъ партіямъ, а теперь ждешь помощи изъ-за моря. Довольно ожиданій и надеждъ: ихъ было слишкомъ много, пора перейти къ дѣлу.

П. Дмитренко.

ВЪ СОЮЗАХЪ.

Повышеніе заработной платы въ связи съ повышеніемъ твердыхъ цѣнъ на предметы потребленія.

Недѣли три тому назадъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ изданъ былъ декретъ о повышеніи въ 3 раза твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ. Предполагается повышеніе и на другіе предметы потребленія. На причинахъ, побудившихъ правительство издать этотъ декретъ, мы останавливаться не будемъ. Мы хотимъ здѣсь отмѣтить, что какъ въ рабочихъ кругахъ, такъ и въ профессіональныхъ вслѣдъ за изданіемъ декрета возбуждается вопросъ о повышеніи заработной платы.

27 августа Центральный Совѣтъ Профессіональныхъ Союзовъ созываетъ совѣщаніе изъ представителей Всероссійскихъ объединеній для обсужденія вопроса объ увеличеніи ставокъ въ связи съ декретомъ. На этомъ совѣщаніи, какъ и въ рядѣ другихъ, былъ выработанъ минимумъ заработной платы опредѣленной для Москвы въ 14 руб. въ день.

Центральный комитетъ всероссійскаго союза рабочихъ-металлистовъ, какъ на совѣщаніяхъ в. с. пр. союз., такъ и на своихъ собраніяхъ высказался противъ той постановки вопроса о повышеніи ставокъ, какая была возбуждена въ связи съ декретомъ с. н. к., т.-е., что увеличеніе твердыхъ цѣнъ на потребленіе должно сей часъ же неминуемо повлечь увеличеніе размѣра заработной платы. Такое огульное и прямое увеличеніе ц. к. в. с. р. м. считалъ глубоко-вреднымъ какъ со стороны государственнаго регулированія промышленности, такъ и для тарифной дѣятельности рабочихъ организацій.

На одномъ изъ засѣданій 19/8—ц. к. принялъ слѣдующую резолюцію „принципіально отклоняется допустимость повышенія тарифныхъ ставокъ до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ".

Это свое рѣшеніе, какъ и свое отношеніе къ вопросу объ увеличеніи ставокъ, ц. к. рѣшилъ изложить въ видѣ докладной записки, которая представлена совѣту народныхъ комиссаровъ.

Записка эта разработана тов. А. Гольцмановымъ, членомъ ц. к. в. с. раб.-металлистовъ и представляетъ особый интересъ съ точки зрѣнія новой постановки задачъ рабочаго класса въ цѣломъ, а потому мы на ней остановимся болѣе подробно.

Записка распадается на нѣсколько частей и дополнена нѣсколькими таблицами, иллюстрирующими нѣкоторыя мысли автора. Ограниченность мѣста заставляетъ насъ остановиться только на главныхъ моментахъ записки.

Въ запискѣ авторъ прежде всего останавливается на взаимоотношеніяхъ заработной платы съ интересами государства или промышленности въ цѣломъ.

Реальная заработная плата, дѣйствительно, понизилась по сравненію съ довоеннымъ періодомъ. Такъ, напримѣръ, заработная плата, выраженная въ пудахъ ржи чернорабочаго Путиловскаго завода въ 1914 г. составляла 31,48 п. въ мѣсяцъ, а въ 1918 г., даже при повышеніи заработка до 15 р. въ день, составитъ не болѣе 24,59 п. ржи. Но если съ другой стороны принять во вниманіе общее промышленное истощеніе Россіи, а слѣдовательно и уменьшеніе предметовъ потребленія отдѣльнаго рабочаго, то всеобщее пониженіе заработной платы надо признать нормальнымъ явленіемъ. Болѣе того, въ интересахъ государства, какъ цѣлаго, самое потребленіе должно уложить въ опредѣленныя формы. Формы эти должны отвѣчать физіологическому (естественному) потребленію, опредѣляемому извѣстнымъ количествомъ калорій, необходимыхъ для существованія человѣка. Въ соотвѣтствіи съ этими физіологическими нормами потребленія, и только съ ними, должно находится опредѣленіе заработной платы. Отступленіе заработной платы отъ этихъ нормъ даетъ непроизводительный расходъ продуктовъ и грозитъ при настоящихъ условіяхъ совершенно расшатать хозяйственную жизнь Россіи.

Еще два фактора заставляютъ предполагать, что денежное увеличеніе заработной платы будетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Увеличеніе заработной платы означаетъ неминуемое вздорожаніе цѣнъ на фабрикаты, и всякія попытки произвести здѣсь твердую систему товарныхъ цѣнъ должны будутъ пасть. Не только 5,5 милліарда руб. въ годъ, которые, по вычисленію В. С. Пр. С. образуетъ увеличеніе заработной платы въ 50% противъ существующей — падетъ на государство, но и вздорожаніе фабрикатовъ ляжетъ тяжелымъ бременемъ на государство, являющееся нынѣ главнымъ организаторомъ промышленности.

Съ другой стороны, увеличеніе денежной заработной платы само по себѣ ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуетъ и не гарантируетъ (до сихъ поръ) увеличеніе производительности. Такъ напримѣръ, на московск. металлическомъ заводѣ б. Гужонъ, заработная плата въ 1917 году поднялась на 300—400% въ кругл. единицахъ, а производительность пала на 40—70%. Послѣдствія эти тоже легутъ на государственное казначейство.

Рабочія организаціи должны въ особенности обратить вниманіе на послѣдній пунктъ и поощрять всѣми способами увеличеніе производительности. Въ соотвѣтствіи съ послѣдней должно строить тарифы. Вообще же необходимо отбросить систему тарифовъ, какъ гарантій, и перейти къ системѣ тарифовъ, какъ регулированіе промышленности. Только такое регулированіе, основанное на учетѣ современнаго положенія индустріи въ Россіи, на физіологическомъ нормированіи прожиточнаго минимума рабочаго, на повышеніи производительности— выведетъ насъ изъ круговорота, въ который мы нынѣ попали.

Въ заключеніе приводимъ пунктъ, относящійся къ послѣднему проекту Всерос. Совѣта Пр. Союзовъ о минимумѣ заработка по Москвѣ 15 р.

„Предполагаемое огульное повышеніе заработной платы съ установленіемъ минимальнаго заработка по Москвѣ въ 15 руб. въ день ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть пріемлемо. Напротивъ, въ теченіе нѣкотораго промежутка времени (2—3 мѣс.) необходимо дать кристаллизоваться существующимъ тарифамъ заработной платы, дабы союзы пріобрѣли нѣкоторый опытъ въ нормированіи заработной платы и труда".

А. Л.

Отъ Профессіональнаго Союза Рабочихъ по водопроводу и отопленію.

Въ среду, 11 сентября, въ 6 час. вечера въ новомъ помѣщеніи (уг. Путинковскаго пер. и М. Дмитровки, д. 7/1) состоится **общее собраніе** членовъ союза.

Въ порядкѣ дня:

1) Докладъ согласительной комиссіи о результатахъ переговоровъ съ предпринимателями и 2) вопросъ о коллективной закупкѣ хлѣба и др.

Въ виду важности стоящихъ на повѣсткѣ вопросовъ присутствіе всѣхъ членовъ союза необходимо.

Правленіе.

Союзъ рабочихъ парфюмернаго, мыловареннаго, химико-форм., фрукт.-медовар. и др. пр.

Въ понедѣльникъ, 2-го сентября, состоялось засѣданіе представителей центральной контрольно-хозяйственной комиссіи, при союзѣ и членовъ контрольно-хозяйственной комиссій въ предпріятіяхъ.

Считая дѣло контроля и регулированія промышленности наиболѣе важнымъ вопросомъ въ жизни союза, правленіе въ первую очередь было озабочено его организаціей.

Независимо отъ существованія органовъ контроля при м. о. с. н. х. и пр., правленіе не считаетъ возможнымъ передать функціи по контролю, регулированію и статистическому учету въ руки организацій, стоящихъ внѣ союза, и считаетъ полное участіе въ этомъ дѣлѣ неотъемлемымъ правомъ самого союза и его органовъ.

Въ понедѣльникъ, 9-го сентября, состоится второе засѣданіе контрольно-хозяйственныхъ комиссій, на которомъ будутъ обсуждаться вопросы организаціоннаго характера и сложный вопросъ объ отношеніи правленія и контрольныхъ комиссій къ отчисленію въ пользу рабочихъ % % прибылей предпріятій за 1917 годъ.

Для возможности совмѣстнаго обсужденія съ правленіемъ союза этихъ вопросовъ, центральная к.-х. комиссія внесла для ознакомленія въ правленіе рядъ собранныхъ ею документовъ и матеріаловъ.

Засѣданіе состоится въ помѣщеніи правленія союза, въ 10 ч. утра.

Правленіе.

Отъ редакціи „Рабочей Жизни".

Въ виду повышенія тарифа печатниковъ редакція вынуждена повысить цѣну на газету.

Съ № 26 газета будетъ отпускаться профессіональнымъ и культурно-просвѣтительнымъ организаціямъ и ихъ членамъ по 35 к. экземпляръ.

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго № 35 к., на станціяхъ жел. дор.—40 к.

Редакція.

Къ вопросу о клубахъ.

Письмо въ редакцію.

Уважаемый товарищъ, Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ вашей газетѣ слѣдующее:

Въ № 20, отъ 22 іюля было напечатано открытое письмо тов. «водопроводчика Егорова», гдѣ въ первыхъ же строкахъ товарищъ раскаивается въ своихъ прежнихъ грѣхахъ (возвеличиваніе портретами Керенскаго въ автомобили, война до побѣднаго конца и проч. и проч.). А затѣмъ уже сѣтуетъ на свою горькую партійную долю, товарищъ жалуется, что его прежніе партійные друзья съ эсерами [illegible] меньшевиковъ и эсеровъ [illegible] мѣстечекъ—къ чему были тоже привязаны товарищи. Далѣе, потомъ, какъ видно изъ письма, [illegible] и собирается удалиться въ пустыню, если на его призывъ не откликнутся.

Я на все прочитанное иначе смотрю такъ:

Что касается [illegible] Керенскаго цвѣтами и торговли его портретами на митингахъ, это явленіе весьма нормальное: среди насъ, безпартійныхъ, оно [illegible]—просто [illegible], а у людей связанныхъ партійными обязательствами, какъ-то иначе.

Относительно изгнанія, мнѣ думается, что изгоняютъ только тѣхъ, кто этого заслуживаетъ, а судить о томъ, правильно ли это или нѣтъ, будетъ бабушка, конечно, не Брешко-Брешковская, а бабушка-исторія.

Послѣднее, т. е. призывъ создавать клубъ и проч., меня, какъ члена правленія союза раб. по водопр. и отопленію, признаться удивляетъ. Въ этой же газетѣ (№ 20) въ концѣ нами помѣщено отъ правленія обращеніе къ товарищамъ съ призывомъ входить въ культурно-просв. комиссію, первыми работами каковой намѣчены: созданіе библіотеки и открытіе клуба-чайной, въ то же время товарищъ, подписавшій свое письмо «водопроводчикъ Егоровъ», почему-то не желаетъ прійти къ намъ и помочь намъ организовать культурно-просвѣтительную комиссію среди 4000 членовъ.

Товарищъ! Вѣдь мы родственны намъ по профессіи, и если вы тотъ Егоровъ, котораго мы давно знаемъ и котораго не такъ давно выбрали своимъ представителемъ въ сов. раб. и кр. депутатовъ, то оботрите ваши слезы и придите къ намъ для совмѣстной работы на пользу союза, о которомъ вы когда-то [illegible] мечтали.

Членъ Правленія **А. Толкачевъ.**

Наша литература

Въ Редакціи «Раб. Жизни» продаются слѣдующія книжки по рабочему движенію:

1. **Ивто.** — Азбука синдикализма Ц. 50 к.
2. **Лебедевъ.**—Рабочіе союзы Ц. 30 к.
3. **Профераносъ.** — Стачка, рабочій союзъ и соціализмъ. Ц. 25 к.
4. **Боровой.**—Революціонное творчество и парламентъ. (Революціонный синдикализмъ). Ц. 90 к.
5. **Критская и Лебедевъ.** — Исторія синдикальнаго движенія во Франціи. Изд. „Союзъ Труда". М., 1918 года 1 р. 20 к.

Въ провинцію высылаются наложеннымъ платежомъ. Пересылка на счетъ заказчика. При покупкѣ свыше 100 экз.— за счетъ конторы.

КРАСНАЯ ВОЛНА.

(Романъ изъ жизни французскихъ синдикалистовъ и революціонеровъ).

Соч. Рони.

(Сокращенный переводъ).

Въ одномъ изъ предмѣстій Парижа происходитъ борьба двухъ теченій современной рабочей Франціи—красныхъ и желтыхъ союзовъ. На публичномъ диспутѣ каждый изъ вождей обоихъ теченій отстаиваетъ свое направленіе. Первымъ взялъ слово вожакъ красныхъ-синдикалистъ Ружмонъ.

Развивъ свой взглядъ на возможность и необходимость обобществленія сельскохозяйственнаго производства, онъ говоритъ далѣе:

XVI.

— Да, товарищи, лишь солидарность приведетъ къ цѣли. При одномъ, однако, непремѣнномъ условіи: каждому дѣлу свое время. Необходимо расположить вопросы въ опредѣленной послѣдовательности. Необходимо, поскольку возможно, сосредоточить всѣ силы каждый разъ на одномъ ударномъ пунктѣ. И въ настоящее время, полагаю я, нѣтъ болѣе насущной реформы какъ вопросъ о рабочемъ времени нашей каторги! Восемь часовъ труда—такова великая задача партіи синдикалистовъ. То обстоятельство, что именно теперь эта задача смогла принять такое значеніе—само по себѣ знаменіе времени. Конечно, и раньше работникъ понималъ, насколько возросло его рабство благодаря чрезвычайной продолжительности труда. Несчастные ясно чувствовали, какой гнетущей тяжестью является эта необходимость потѣть пятнадцать, шестнадцать часовъ въ мастерской и на фабрикѣ. Какъ только рабочая скотина поглотила свою жратву, какъ только она насладилась нѣсколькими часами сна—вновь открывается съ желѣзной необходимостью дверь: необходимо вернуться въ адъ, гдѣ верстакъ и машина пожираютъ живое человѣческое тѣло и насушаютъ его мозгъ. Ужасная безжалостная судьба! И этотъ человѣкъ, проводящій свою жизнь въ наиболѣе мрачной изъ тюремъ, это несчастное измученное, отравленное, отупѣвшее существо, это оно-то носитъ имя свободнаго гражданина! Увы! Это худшій видъ рабства, а не свободное гражданство! Конечно, рабочаго нельзя продать. Но спрашивается, кому бы и пришло въ голову его купить? Да развѣ предпринимателямъ, платящимъ нѣкоторымъ категоріямъ ткачей два франка 65 сант., имѣетъ смыслъ ихъ купить? Вѣдь самое ихъ содержаніе обойдется дороже! Необходимо будетъ заботиться о здоровьи и сохраненіи жизни раба. Тогда какъ наемный ткачъ можетъ дохнуть съ голода. Ни у кого о томъ и заботы нѣтъ. Когда у него не будетъ силы—его выбросятъ за дверь. И этимъ все кончится. На-дняхъ мнѣ пришлось прочесть любопытный отчетъ одного изслѣдователя Центральной Африки. Между прочимъ, авторъ описываетъ въ немъ жизнь туземцевъ, этихъ негровъ, представляющихся намъ послѣдней ступенью человѣческаго одичанія и нищеты. Рѣчь идетъ, конечно, о неграхъ тѣхъ областей, куда еще не проникло вліяніе европейскихъ завоевателей. Эти негры не знаютъ спокойнаго человѣческаго существованія. Ихъ вожди имѣютъ порой весьма жестокіе капризы. Порой разражаются свирѣпыя войны или эпидеміи, въ чемъ, конечно, нѣтъ ничего утѣшительнаго. И все же капризы вожаковъ прорываются не такъ уже часто, какъ принято думать, и падаютъ на головы сравнительно небольшого числа лицъ. И все же война у нихъ всего только своего рода случайность, въ родѣ нашихъ желѣзнодорожныхъ, автомобильныхъ и строительныхъ катастрофъ; и все же эпидеміи не болѣе свирѣпы и гибельны, чѣмъ наши хроническія заболѣванія и многочисленныя страданія нашихъ истощенныхъ работниковъ. И въ общемъ, описанные нашимъ путешественникомъ негры, живутъ въ такихъ свободныхъ условіяхъ, о какихъ европейскій рабочій не имѣетъ и представленія. Работаютъ они часъ или два въ сутки. Питаются лучше, нежели нашъ французскій крестьянинъ. Налоги сводятся къ незначительной барщинѣ. Авторъ заканчиваетъ книгу приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „признаюсь, мнѣ жаль этихъ людей, когда я думаю о ихъ будущемъ подъ ярмомъ европейцевъ. Ихъ жизнь сейчасъ легка и беззаботна; съ какой простотой наслаждаются они своимъ безхитростнымъ существованіемъ! Сколько разъ въ чудные вечера я съ удовольствіемъ наблюдалъ ихъ праздники и пляски: лишь среди нихъ я видѣлъ нѣчто похожее на ощущеніе счастья... Конецъ этой безмятежной жизни недологъ. Онъ придетъ вмѣстѣ съ господствомъ англичанъ, французовъ или бельгійцевъ. Придется работать въ лѣсу или степи, чтобы удовлетворить налоговыя требованія, придется нести повинности по переноскѣ истощающихъ тяжестей... Земли, по которымъ беззаботно, словно дѣти, носились люди, будутъ ограблены. То будетъ жестокая судьба, горькое существованіе, отупѣніе и вырожденіе подъ вліяніемъ алкоголя".

Вы видите, товарищи, что негръ, въ общемъ, живетъ лучшею жизнью, нежели нашъ средній работникъ. Онъ немного работаетъ, чтобы добыть себѣ на существованіе, а остальное время наслаждается просторомъ и досугомъ. А онъ, однако, принадлежитъ бѣдной расѣ, располагающей слабыми орудіями труда, совершенно незнакомой съ нашими машинами, не имѣющей ни малѣйшаго представленія о нашихъ обширныхъ предпріятіяхъ. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что негръ не знаетъ этихъ пауковъ, этихъ страшныхъ піявокъ, этихъ паразитовъ—нашу буржуазію...

Простите, товарищи, это небольшое отступленіе. Я могъ бы привести цѣлый рядъ другихъ примѣровъ,—и всѣ они показали бы, что цѣлый рядъ некультурныхъ народовъ пользуются гораздо большимъ благополучіемъ, чѣмъ французскій работникъ. И если послѣ этого вспомнить, что Франція—страна, быть можетъ, наиболѣе въ мірѣ богатая,—необходимо признать, что въ нашемъ обществѣ происходитъ нѣчто невѣроятно чудовищное... И вотъ, Всеобщая Конфедерація Труда пришла къ заключенію, что прежде всего необходимо сосредоточить всѣ революціонныя силы на борьбѣ противъ крѣпостничества буржуазіи. И не только по причинѣ физическаго переутомленія, но и потому и, главнымъ образомъ потому, что это положеніе приводитъ къ умственному вырожденію. Соціальная реформа, прежде всего, дѣло разума, знанія, гибкости мысли. Чѣмъ больше въ нашемъ распоряженіи окажется мозговъ, способныхъ къ размышленію, чѣмъ больше головъ, полныхъ знанія,—тѣмъ ближе мы къ побѣдѣ. Да, товарищи, прежде всего, намъ необходимъ интеллигентный пролетаріатъ! Въ противномъ случаѣ мы будемъ дѣйствовать по волѣ случая и всѣ наши побѣды обратятся въ ничто. Между тѣмъ мозгъ человѣка, отбывшаго свой десяти или двѣнадцатичасовой трудъ, въ состояніи дѣйствовать лишь крайне несовершенно. Чтобы располагать свѣжими, сильными мозгами, необходимъ досугъ. Отсюда—колоссальное значеніе вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Если не удастся провести этой мѣры, революція не побѣдитъ никогда.

Не заключайте, однако, изъ моихъ словъ что восьмичасовой день я разсматриваю только, какъ средство борьбы. Нѣтъ, это также вопросъ гигіены, вопросъ человѣческаго достоинства, это не только средство для будущаго, но и непосредственная цѣль настоящаго. Болѣе короткій трудовой день даетъ возможность рабочему удѣлить больше вниманія самому себѣ и своимъ ближнимъ: онъ повыситъ его самосознаніе. Восьмичасовой день позволитъ ему хоть немного почувствовать прелесть жизни... этой короткой жизни, которая каждому суждена лишь разъ. Изнуренный человѣкъ, имѣющій времени какъ разъ лишь на то чтобы поглотить свою пищу, даже не представляетъ себѣ, сколько прелести можетъ быть въ нашемъ обыденномъ быту. И развѣ можетъ онъ при такихъ условіяхъ наслаждаться художественными произведеніями, красотой садовъ, прелестью поля и лѣса, своеобразной поэзіей городскихъ улицъ? Развѣ можетъ онъ предаваться сладкой мечтательности? Вѣдь она возникаетъ лишь какъ результатъ гармоніи между человѣкомъ и жизненной средой.

Бѣшеные аплодисменты красныхъ сплелись съ презрительными замѣчаніями желтыхъ.

— Мы также хотимъ восьмичасового дня!—воскликнулъ Деруледъ—но хотимъ его завоевать безъ насилій.

— Вы хотите его завоевать лизаньемъ рукъ господъ хозяевъ. Можете лизать ихъ хоть тысячу лѣтъ!

— Послѣ того какъ мы разсмотрѣли вопросъ о тактикѣ рабочаго,—продолжалъ Ружмонъ,—перейдемте къ вопросу о тактикѣ гражданина. По совѣсти говоря, между обоими этими вопросами нельзя провести рѣзкаго различія. Но все же между нами и нашими отцами по революціи есть большая разница. Они давали себя водить за носъ политикамъ. А мы подчиняемъ политическое движеніе движенію экономическому. И это вполнѣ правильно. Ибо трудъ подчиняетъ себѣ всѣ остальныя явленія общественной жизни...

Со стороны желтыхъ понеслись протестующіе голоса:

— А семья!

— Отечество!

— Безъ труда нѣтъ ни родины, ни семьи!—отозвался Ружмонъ—трудъ—основа человѣческаго могущества. Все остальное къ нему приложится. И я снова подчеркиваю: обязанности работника по отношенію къ его братьямъ по классу отодвигаютъ на задній планъ его долгъ гражданина. Разсчитывайте только на самихъ себя! Если это вамъ нравится,—отдайте свой избирательный бюллетень тѣмъ кто отстаиваетъ или предполагаетъ что отстаиваетъ дѣло революціоннаго соціализма. Но пусть однимъ этимъ и ограничится ваша политическая дѣятельность. Депутатъ—это своего рода профессія. Несмотря на всѣ его громкія рѣчи, онъ только надѣвается надъ вами. И если даже онъ вполнѣ честный человѣкъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать или, по крайней мѣрѣ, почти ничего. Онъ представляетъ слишкомъ различные интересы!.. Однако оставимъ это. Я спѣшу перейти къ гораздо болѣе важному вопросу. Вы уже догадались: мы подвергнемъ разсмотрѣнію знаменитую проблему антимилитаризма.

Волна перваго напряженія медленно прокатилась по обоимъ противнымъ лагерямъ. Словно звѣрь за рѣшеткой, уже метались скрытыя страсти. Надъ притаившейся толпой неподвижно высилась фигура Ружмона. Онъ слегка поднялъ руку. Никогда еще голосъ его не звучалъ такъ торжественно и внушительно:

— Да! Это вопросъ огромнаго, исключительнаго значенія! И нѣтъ никого, кто бы болѣе меня чувствовалъ чрезвычайную сложность этой проблемы. Ибо я не принадлежу къ этой категоріи вульгарныхъ интернаціоналистовъ, которые отрекаются отъ своей родины. Я люблю мою родину, мою Францію! И я скажу—даже многіе изъ тѣхъ которые полагаютъ, что одинаково любятъ всѣ народы,—обманываютъ самихъ себя. Нѣмецъ можетъ приспособиться къ законамъ, обычаямъ и быту чужого народа. Но французъ—никогда! Французъ отвергаетъ господство, моральное или физическое, другихъ народовъ. Причина тому весьма проста: развѣ онъ не наиболѣе цивилизованный изъ людей, развѣ въ немъ не сохранилось меньше всего дикаго звѣря. Да, товарищи, было бы невыносимо жить подъ ярмомъ нѣмцевъ или англичанъ. Мы не могли бы вынести этой жизни, даже если бы заработки были лучше и уровень матеріальнаго быта выше. Мы, конечно, вовсе не наиболѣе энергичные изъ обитателей земной планеты. Но мы ея наиболѣе тонко организованныя дѣти. И счастье было бы намъ навсегда закрыто, если среда, въ которой мы живемъ, не была бы болѣе нашей родной средой.

Желтые разразились шумными ироническими аплодисментами.

— Вы пользуетесь нашей тарелкой—воскликнулъ скульпторъ Барресъ.

— Онъ кается въ прежнихъ заблужденіяхъ!

— Вы увидите, каюсь ли я въ своихъ заблужденіяхъ,—отозвался язвительно ораторъ. И, обращаясь непосредственно къ ложѣ желтыхъ, онъ продолжалъ:

— Итакъ, чтобы завоевать наше полное счастье намъ безусловно необходима наша родная земля, Франція. Но кто осмѣлится утверждать что мы, бѣдняки, на этой землѣ что-либо иное, чѣмъ пушечное мясо, изнуренное, изстрадавшееся стадо! Худшій изъ пруссаковъ, если онъ только располагаетъ монетой въ сто су, стоитъ выше несчастнаго бродяги, плетущагося по большой дорогѣ съ пустыми карманами. Все наслажденье, всѣ прелести жизни, вся роскошь, всѣ наши красивыя дѣвушки,—все это—достояніе интернаціонала богачей. Если ты ничего не имѣешь,—ты будешь жить на своей родинѣ большимъ чужакомъ, нежели собака какого-нибудь американскаго милліонера. Если у тебя ничего нѣтъ, тебя будутъ гнать отовсюду, тебя будутъ презирать, надъ тобой издѣваться, тебя законопатятъ въ тюрьму за бродяжничество. Родина! Родина бѣдняка! Это—пустая басня, символъ безъ содержанія, голая строчка въ твоей солдатской книжкѣ или твоего школьнаго учебника. Это—глупѣйшее издѣвательство. Твое право, несчастный, страдать и защищать страну, которая принадлежитъ твоему хозяину, тому, кто обладаетъ средствами! Ради него, ради него одного, Франція каждый годъ отдаетъ милліардъ на армію и флотъ. И бюджетъ этотъ—тоже издѣвательство. Ибо вся наша армія и весь нашъ флотъ—пустая игрушка! Ибо наша буржуазія не похожа на своихъ предковъ и неспособна организовать большую побѣдоносную войну. Но если бы мы даже располагали энергичной буржуазіей, превосходно организованной арміей, геніальными генералами,—я сказалъ бы то же самое; необходимо начисто уничтожить весь военный бюджетъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель: Группа работниковъ пролетарскихъ организацій.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ Страстной бул., Путинковскій пер., д № 3.

Редакторъ Н. Профериисовъ.